Приставкин А. 6.10.93

«Литературная газета» приглашает к сотрудничеству рекламных агентов.
Тел.: 208-85-00, 208-98-36.

Бегство от Адама

Анатолий ПРИСТАВКИН в беседе с Ефимом БЕРШИНЫМ

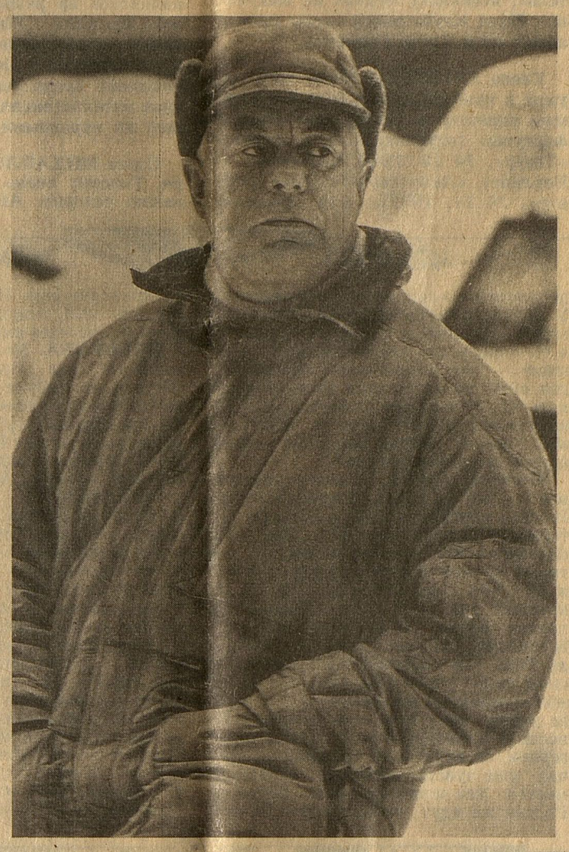


Фото Владимира БОГДАНОВА

О чем только сегодня не приходится говорить с писателями! Присесть бы, посмаковать удачно скроенную строку, потрепаться о вечном, как некогда. Так нет же — о мафии, о коррупции, об убийствах. Из такого сора уже даже и стихи не растут. Да и проза уступает место прозе жизни.

Да и где говорим-то! В бывшем кабинете некогда грозного Бориса Пуго! Анатолий Приставкин сегодня тоже человек государственный. Возглавляет Комиссию по помилованию при президенте России. Но уж больно он со своими джинсами и истинно писательской непосредственностью не вписывается в этот огромный, страшноватый даже кабинет...

— Нижайше прошу простить, Анатолий Игнатьевич, но не хочется ли чего-нибудь украсть?

— Спасибо, нет.

— Отчего же нет? Больно хорош ваш кабинет — люстры, ковры, побрякушки всякие...

— Знаете, прививку против кражи я получил еще в детстве. Потому что, как почти все детдомовцы во время войны, крал. И вообще воровство — часть моей жизни. И может быть, большая часть. Хотя прожил я ее в войну и было мне всего 14 лет, но опыт взрослого человека, приобретенный мальчишкой, невероятен по значению.

— А зачем воровали-то?

— Чтобы выжить. Не воруя, выжить было невозможно. Поэтому мы крали все, что могли. Морковку на огороде. Картошку на рынке. Пирожок у старухи. Помню, как обворовали повариху и пионервожатую, стащив вещи, которые были нам не нужны. Просто был уже воровской инстинкт. Однажды я украл в библиотеке книжку, на обложке которой был нарисован человек с автоматом. Мне показалось, что это мой отец. Потом ее у меня украли, потому что все хотели иметь портрет отца. Просто они посчитали, что если это портрет отца, то человек на портрете может быть отцом каждого из нас. Я очень страдал, так как потерял единственную ценность. Позже я написал рассказ, который так и назвал — «Портрет отца». Кража стала основным узловым моментом и для написанной впоследствии повести «Солдат и мальчик».

— Понятно, вам надо было выжить. А чем обусловлен сегодняшний всплеск грабежей, краж? Тоже желанием выжить?

— Прежняя система воровства была социально обусловленной. Плата за труд была такой, что человек, чтобы свести концы с концами, должен был включать воровство в свой бюджет. На каком-то этапе это осознало и государство. И началась странная такая игра. Если ты воруешь, но при этом не очень зарываешься и не попадаешься, то все делали вид, что ничего не происходит. Правда, не все оказывались в равном положении. Пролетарий у станка мог украсть горсть гаек, пролетарий у прилавка — часть продуктов. Но именно в момент, когда все стали воровать почти законно, катастрофически начала беднеть интеллигенция — учителя, врачи, ученые. Им нечего было украсть. Да и в силу их более высокого нравственного уровня не очень и хотелось. А государство не доплачивало им за то, что они не воруют.

— То есть посчитали, что если они в свой бюджет не закладывают воровства, то им и не надо.

— Нет, надо. Но считалось, что они как бы сами виноваты в том, что не крадут.

— Ну, а что воровали люди в больших кабинетах, в таких, к примеру, как этот?

— Здесь другое дело. Основные государственные средства поступали как бы на социальные нужды, в общую корзину. Из этой корзины таскали те, кто был к ней поближе. Спецпайки, дачи, машины, обслуга — тоже воровство. Поездки за рубеж, протекции всякого рода — это тоже в тех условиях иным словом назвать нельзя. Каждый тянул, что мог. Доходило до смешного. Я знал одного слесаря, у которого дома был целый склад гаек. Они ему были не нужны. Но он брал на всякий случай, потому что ничего другого не попадалось. У людей постепенно сложилась воровская психология. Она и отравила всю страну.

— Эта психология во времена перестройки, а еще более — после развала страны сыграла свою негативную роль. Многие восприняли перемены так, будто просто охрана пошла перекурить и нужно именно сейчас, побыстрее что-нибудь стащить, пока не вернулись и не замели.

— Не согласен. Перерыва в кражах никогда не было. И от наличия охраны это не зависело. Нас буквально подталкивали к воровству, чтобы мы стали заложниками системы. Ведь если я разрешаю воровать, то я же могу и замести. Я вас могу держать под прицелом. А брали или уж совсем по пустякам, по случайности, или тех, кто воровал уж слишком много, нарушая тем самым воровскую этику. Кстати, мы сидим в зале, где исключали из партии очень крупных деятелей. То есть тех, кто украл больше, чем положено. Я недавно просматривал дело бывшего зам. министра Внешторга. Только перечисление украденных им бриллиантов и золота составило 120 страниц текста. Он явно перешел границы, которые следовало соблюдать... Вся система управления страной была взята из криминальной зоны. Во главе обязательно пахан — Сталин, Брежнев и т. д. Вокруг пахана — шестерки. А кроме того — мелкие паханы, распределенные по республикам и областям. Кстати, одним из первых указов Горбачева был указ о повышении зарплаты партработникам. То же самое делал Хасбулатов по отношению к своему аппарату. Не случайно бывшие депутаты, переходя сегодня на службу к Ельцину, клянчат льготные должности. Привыкли.

— Но что произошло дальше, когда власть переменилась?

— Тащить начали еще в те дни, когда власть только менялась. Еще во время путча, когда ничего вроде бы не было ясно. В частности, из этого здания в дни ГКЧП и сразу после них утащили почти все, что могли. Даже один унитаз из туалета сняли и уволокли. Причем тащили и те, кто уходил от власти, и те, кто пришел к ней. Мне рассказывали, как один уважаемый депутат утащил из Белого дома общественный самовар. Потом вернулся и хотел украсть общественный же телевизор.

— А сейчас что?

— А что? Новая власть в лице тех же депутатов, то есть новые люди со старой психологией, — они в первую очередь приватизируют московские квартиры, закупают машины по старым ценам, вообще запасаются всем впрок. Они завидовали старой власти, потому что те брали помногу, а этим приходилось довольствоваться гайками. Теперь, отбросив гайки в сторону, они спешат наверстать упущенное.

— Что, сбылась ленинская мечта? Кухарка пришла к управлению государством?

— Похоже. Но всплеск всеобщего воровства объясняется еще и тем, что система, развалившись, вышла из реестра каких-то нравственных оценок.

— Они были?

— Были. Я уже об этом говорил. Общество оценивало уровень воровства. То есть каждый мог воровать то, что только ему положено. Превышение уровня каралось.

— То есть вы имеете в виду нравственность по воровскому счету. Но ведь надо понимать и так, что на смену одной системе паханов пришла или приходит другая.

— Не совсем так. Просто новые люди используют старую систему. Причем люди самого высокого уровня. Первый этап — подкормка «своих». Так и при Сталине было. «Своим» создают возможности для незаконных приобретений, их содержат, необоснованно повышают зарплату. К примеру, даже простая секретарша в Белом доме получала в два-три раза больше, чем министр. Комментировать надо?

— Не надо. Но, мне кажется, то, о чем вы говорите, — только одна воровская система, верхняя. В условиях же, когда охрана пошла перекурить, образовалась и вторая — снизу. Я имею в виду возникновение крупных бандитских формирований, наглых, уверенных в полной безнаказанности. Даже сталинские «тройки» могут показаться верхом справедливой юриспруденции — там была хотя бы видимость приговора. А здесь просто убийство из-за угла.

— Ну, убийством из-за угла баловались и раньше. Михоэлса тоже убили без приговора. И Кирова. И многих других.

— И все-таки это было только одним из средств системы, которая в тот момент была единственной. Сейчас же, на мой взгляд, уже схлестнулись две системы: старая, приобретшая новые качества, и новая, выросшая уже по чистым законам уголовного мира, без примеси идеологии. И что же? Они столкнулись или каждая живет сама по себе, не трогая другую?

— Они переплелись. Этому способствовало само изменение общества, вхождение в рынок, который кто-то очень метко назвал «капитализмом с большевистским оскалом». Если раньше, грабя социалистическое государство, мы грабили самих себя, то теперь появилось новое искушение. Образовались независимые коммерческие накопления, что привело к ситуации, описанной Ильфом и Петровым. С той лишь разницей, что подпольный миллионер почти выродился. Бизнес открыт. Он-то и стал приманкой для преступников. Представьте себе, предпринимателей очень выгодно грабить, так как они фактически беспомощны — закон их не защищает.

— Но почему? Ведь, помимо того, что они предприниматели, они — граждане государства.

— Мы до сих пор не узаконили бизнес. Он полузаконен. Поэтому и нет защиты. Каждая коммерческая структура вынуждена защищаться сама. Любым способом. От наемных телохранителей до откупа. И возник новый «бизнес»: я могу вас доить потому, что вы откупаетесь. Это и есть рэкет. Хотя я считаю, что подобного рода преступления — составная часть нашего переходного периода. Когда начнут действовать законы, она постепенно отомрет.

— А не кажется ли вам, что при нынешней незащищенности коммерческие структуры могут быть уничтожены еще до окончания переходного периода?

— Да. Хотя я надеюсь, что этого не произойдет, что процесс коммерциализации неостановим. Но сегодня и слепому видно, что, отказавшись от правовой защиты предпринимателя, мы сами отодвигаем на неопределенный срок свое же более благополучное будущее. Многое опять упирается в психологию людей.

— Еще бы! Ведь все любят историю про доброго разбойника Робин Гуда. За то, что он грабил богатых, ему прощаются злодеяния. Мой собственный дед когда-то здорово погулял по Бессарабии еще в составе первой конной группы Котовского. Они откровенно грабили усадьбы. И когда я с пионерской прямотой заявлял любимому деду, что грабить — это плохо, он уверенно отвечал, что грабить действительно плохо, но грабить богатых — хорошо.

— В том-то и дело. Кого больше других осмеивали в нашей недавней партийной прессе? Продавцов. Считалось, что все они богаты и ничего плохого в том, если их ограбят. Даже полезно для общества. И все мы этому радовались. Или помните фильм «Путевка в жизнь»? Там беспризорник вырезает карман женщине в каракулевой шубе. Боже, как мы весело смеялись! Раз она в каракуле — значит, богатая. А ограбить богатую — полезно. Типичное дитя этой теории и герой фильма «Берегись автомобиля».

— Люди возмущены сегодня тем, что жить стало опасно, что страшно иной раз выйти на улицу. Но им абсолютно все равно, если грабят богатых.

— Нет, не все равно. Люди радуются, когда грабят богатых. Они получают моральное удовлетворение, когда кто-то подожжет будку коммерсанта. Психология, о которой мы говорили, осталась. Именно она дает моральную уверенность бандитским группам. Они как бы исполняют чаяния народа. Но с подобной психологией нам не видать настоящего рынка, как своих ушей. Конечно, многие фирмы нажили свой начальный капитал, скажем так, не совсем праведным путем. И люди это знают. Но это еще не повод, чтобы поощрять грабеж. Не говоря уж о том, что есть и другие фирмы, исключительно честные. Им-то и труднее всего. А мафиозные структуры всегда найдут выход из положения. Сужу хотя бы по тому, что к нам, в комиссию по помилованию, вообще не поступают дела на людей, связанных с мафией. Следовательно, они откупаются где-то раньше.

— На каком примерно этапе?

— Не знаю. Но, по словам журналистки Ларисы Кислинской, за последние 8 месяцев из тюрем были освобождены 10 крупных лидеров мафии, несмотря на то, что они продолжали заниматься своим делом даже в заключении. Они становятся все наглее. Недавно рассказали историю. Подъехали к одной даче молодые люди и заявили хозяйке, что им требуется половина участка. Она возмутилась и отказала. Тогда сожгли дачу. Потом приехали опять и посулили построить новую дачу, если согласится. Согласилась. А куда деваться? Большевистская формула «грабь награбленное» сменилась формулой «грабь недограбленное». Жертвами оказываются бедные люди, случайно оказавшиеся на «золотом» месте. Повторяю: грабят уже не только богатых. Грабят всех, кого можно. Это напоминает ситуацию становления советской власти. Вначале убивали белых, потом всех подряд. Так и здесь. Вначале грабили богатых, теперь не гнушаются и бедными. И это уже по-настоящему страшно.

— Недавно на Ленинском проспекте на глазах сотен людей совершенно открыто люди с автоматами брали пункт обмена валюты. Потом спокойно сели в машины и уехали. По-моему, никого, кроме работников пункта, это уже и не заинтересовало.

— Да, это уже почти обычное дело.

— Но позвольте тогда очень умный и нестандартный вопрос: куда смотрит милиция? Когда идет стрельба, нам говорят, что идут «разборки» между преступными группами. А о том, что идет грабеж, — ни слова.

— В милиции тоже живые люди работают. Их тоже могут прибить. Станут они рисковать за их-то зарплату? Милиция — часть нашего общества, где не соблюдаются законы. И страдает теми же болезнями. В этих условиях человек в милицейской форме тоже делает выбор. И становится либо жертвой, либо преступником. Это плоды системы. Увы, но у нас пока не может быть ни нормальной милиции, ни нормального суда, ни нормальной прокуратуры.

— В этих условиях предприниматель может запросто свернуть свое дело и в лучшем случае стать новым Корейкой, а в худшем — перевести капитал за рубеж.

— Уже сворачивают и уже переводят. И так будет до тех пор, пока мы не научимся уважать собственность. А пока мы только выходим из первобытно-социалистического состояния. Хотите анекдот? Один человек показывает на картину, на которой нарисован Адам, и спрашивает другого: кто это? А тот ему отвечает: это наш, советский. Почему? Ну, во-первых, он первый. Во-вторых — голый. А в-третьих — уже в раю. Этот символ — первый, голый и в раю — еще долго нас будет преследовать. А нам нужно одеться и привыкнуть к тому, что мы — не первые. Что по национальному доходу мы на уровне Мексики. И это еще неплохо. И надо отказаться от мысли, что мы строим какой-то рай.

— Ну, а вы-то сами? Вы продолжаете строить свой «рай» в прозе? Или служба в комиссии «съела» литературу?

— Увы, почти не пишу. Служба отнимает даже выходные. В прошлый отпуск, правда, написал повесть «Радиостанция «Тамара», которая должна выйти в «Дружбе народов». Еще в печати должны появиться мои вновь счастливо обретенные сказки, которые я считал уже утерянными. Дело в том, что во время известных событий в Прибалтике в 1991 году, пока я находился среди защитников рижских баррикад, кто-то размагнитил мои компьютерные диски со сказками, оставленные в номере Дома творчества в Дубултах. Я уже думал, что сказок мне больше не видать. Но этим летом моему приятелю удалось их восстановить.

— Вы по-прежнему возглавляете журнал «Апрель»?

— Для «Апреля» я, конечно, пишу. Но в основном статьи... Так что ни «литературного рая» для себя, ни рая для других я в обозримом будущем не вижу.

— Бедные люди! Ничего-то им не светит. Даже рая не будет. Вот вам как председателю комиссии по помилованию, как писателю, наконец, не хочется помиловать наших людей? Не только тех, кто за решеткой, а тех, кто на свободе.

— Да, людей жалко. Ведь система, повторяю, не изменилась. Она просто усовершенствовалась и улучшила свои возможности грабить. Их грабила та система, грабит и эта. И они-то мало в чем виноваты. Им не в чем каяться. Каяться, скорее, нужно тем, кто сегодня громче других кричит о покаянии.

«Апокриф». Культурологический журнал.

Слова «культурология» вы не найдете ни в одном словаре русского языка. Наука эта очень молода, и родина ее — Россия. «Логос», «Путь», «Arbor mundi» — появление таких изданий связано с попытками самоопределения науки на нашей почве. Однако уникальность «Апокрифа» именно в том, что это ЖУРНАЛ с ярко обозначенной позицией его издателей — Александра Махова и Игоря Пешкова. Эпиграфом к нему они взяли строчку Роберта Фроста — «Есть что-то, что не любит ограждений». Их диалоги — философски серьезные, ироничные, саркастические, но всегда легкие и остроумные по форме, комментируют все материалы журнала. Такой подход особенно необычен сегодня, когда торжествует мода на объективизм и дурным тоном среди филологов считается выплескивание себя. В основе «Апокрифа» — самовыражение или, может быть, игра в него. Материалы, помещенные здесь, вряд ли понравятся среднестатистическому литературоведу, музыковеду или искусствоведу. Они — вне канона (апокриф — нарушение его), вне узкой специализации. Культура для культуролога — не механическая сумма ее областей, но некое «динамическое поле», где происходит их пересечение, взаимодействие. «Мы зададим пиршество вненаходимости... Пусть у нас филолог пишет о Пушкине, как астроном, как музыкант, как слесарь, как никто, но только не как специалист по Пушкину...» — провозглашает главный редактор Александр Махов.

— Но ведь неизбежно возникает риск дилетантизма?

— Эту опасность снимает строгий отбор материалов и глубокое погружение авторов в мир культуры, где столько общезначимого, объективного. Конечно, в «Апокрифе» немало «странных сближений», но нет ощущения субъективного бреда.

— В вашей статье «Звукомузыкальная эротика романтиков» в один клубок сплетены музыка и западноевропейский романтизм — поэзия, проза, дневники. Аналогов подобной работе, пожалуй, нет. «Апокриф» — противник академизма?

— Академическая **объективная наука** занимается утверждением истины. У нас же — журнал **возможных** миров, без дидактических установок. Например, В. Бибихин в статье «Символ и «другое» (№ 2) разоблачает установку на понимание символа, существовавшую века, делает ее чем-то относительным. Нарушается иерархия предметов, предписываемых каждой наукой. Так, в статье В. Турбина Андрей Платонов «выращивается» из газетных заметок; газета в его творческой жизни «сыграла не меньшую роль, чем Библия». «Апокриф» — журнал душевно здорового человека, который способен отвлечься от стандартных установок или вообще живет без них.

— «Все дозволено» — это ведь тоже значит жить без установок?

— Нет, это уже установка. Есть инстинкты, не позволяющие убивать. И здоровый человек не будет убивать.

Первый номер назван «Человек общающийся». В нем заявлены темы последующих выпусков. Второй — посвящен игре. Он необычайно цельный. И не только из-за диалогов-комментариев; в диалоге — сами материалы. Так, русская волшебная сказка в статье С. Галенко развивается по законам лабиринта, провозглашенного любимым детищем современной художественной мысли; лабиринта, о возможностях которого столь подробно размышляет в статье А. Махов. Некоторые черты волшебной сказки странным образом перекликаются с особенностями, присущими произведениям постмодернизма (О. Вайнштейн. «Homo deconstructivus: философские игры постмодернизма»). При всей кажущейся абстрактности темы она оказывается весьма актуальной в наш политизированный век. В статье-дайджесте по книге Х. Кокса «Обольщение духа» парижский май 1968 года рассматривается как пример игровой революции, которая почти удалась; вернее, удалась гораздо больше тех, которые прошли стадию партдиктатуры. Ибо эти недели открыли новый период в современной культурной и политической истории, став революцией умов. Поэтому игра должна явиться определяющим ориентиром по отношению к реальности. Или глава из книги Н. Евреинова, свято верившего, что мир (даже природный) театрален насквозь.

— Мы определяем игру как состояние ума, духа и материи, как нечто растворенное во всем. А это близко к русской философской мысли.

— Ваш подход к культуре очень современен. Это проявляется в отношении и к классическим произведениям, и к новым, постмодернистским.

— Гуманитарные науки сегодня становятся вещью для себя. И современное искусство пришло к тому автономному состоянию, когда человек-наблюдатель уже не нужен. Тексты постмодернистов приближаются к зауми. Старая культура, где был центр (Бог ли, слово или абсолютная идея), не принимается ими. Центра нет, есть лишь игра различий. Мы же в «Апокрифе» моделируем ситуацию, где есть центр. И центр — это мы, его издатели, с позиций здравого смысла пропускающие все через себя.

— Культурная жизнь сюжетна. Какие сюжеты ждут ваших читателей?

— 3-й номер будет посвящен любви, в широком смысле. 4-й — тайне как феномене психики человека. Почему эпохи ясности (просвещения, например) сменялись периодами тайны (романтизма). 5-й номер обратится к авантюре. Темы эти — основные феномены бытия. Все они существуют и в низком, и в высоком. Об этом мы и будем писать, «рассаживая» своих авторов без чинов и званий.

Н. ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА

«АРЗАМАС» Литературно - общественный ежеквартальный журнал (издание Международного общества пушкинистов)

Около трех лет назад, в августе 1990 г., в Нью-Йорке было создано Международное общество (клуб) пушкинистов. На его счету — регулярные встречи с писателями, лекции, выставки, традиционные конкурсы (в том числе и поэтические), литературные викторины, многочисленные публикации в газете «Новое русское слово». С июля 1992 г. общество приступило к выпуску литературно-общественного журнала «Арзамас».

Издание открывается обращением к читателям члена редколлегии журнала, праправнучки поэта Натальи Пушкиной. На страницах первого номера читатели найдут репринтное воспроизведение статьи Султана Газы-Гирея «Долина Ажитугай» из пушкинского «Современника», изящное эссе И. Чижовой «И блеск Альбёвой и прелесть Гончаровой», исследования М. Митника «Чистосердечная исповедь» Екатерины Второй» (опровергающее устойчивое представление об императрице как коронованной куртизанке) и «Наполеон и Мария Валевская», рассказы Ю. Дружникова «Мой первый читатель» (о нравах советской цензуры доперестроечного периода) и Е. Димер «Медальон» (о том, как наш великий соотечественник оказался в одной компании с Луи Армстронгом, Мартином Лютером Кингом и другими выдающимися представителями негритянской культуры), статью Е. Македонской «Последний из могикан» (о творчестве известного советского пушкиниста И. Ф. Бэлзы) и некоторые другие работы. В номере дается подборка любовной лирики русских поэтов XIX века (Козлова, Давыдова, Вяземского, Грибоедова, Лермонтова, Тютчева и других).

Во втором номере «Арзамаса» сохраняется тот же принцип подбора материала. Здесь и репринтное воспроизведение фрагментов записок Н. Дуровой, опубликованных в свое время в «Современнике» Пушкиным, и своеобразный комментарий к ним М. Митника «Тайная любовь «кавалерист-девицы»; исследование И. Чижовой «И я бы мог, как шут (...)» — попытка нового подхода к разгадке известной пушкинской строки с помощью иконографической расшифровки 38-го листа из третьей масонской тетради (на котором и сохранилась зачеркнутая поэтом строка), и исследование М. Митника «Маркиза де Помпадур и Людовик XV», и биографический очерк Э. Штейна о едва ли не забытом на родине замечательном русском художнике Симоне Лиссиме, и воспоминания Г. Лисициана о С. Лемешеве. В журнале вновь дается подборка любовной лирики русских поэтов (на этот раз серебряного века). В разделе «По пушкинским местам» привлекает внимание очерк И. Поволоцкой об истории Царского Села и его значении в жизни поэта.

Среди авторов журнала не только представители российского зарубежья, но и москвичи, петербуржцы... Издание начисто лишено академического глянца, что имеет свои плюсы и минусы. Плюсы — тяготение к интимно-лирическим аспектам рассматриваемых проблем в противовес надоевшим широкому читателю-неспециалисту казенно-политическим. Минусы — встречающиеся порой некоторые исторические и литературоведческие неточности. Как бы то ни было, но подобного издания, увы, не существует на родине поэта.

А. В. НАУМОВ,
член Международного общества пушкинистов (Москва)

Чтиво для странников

Еще недавно известие о рождении новой газеты, нового журнала вызывало пристальный интерес и у читающей публики, и у нас, журналистов. Нынче же невесть откуда появляющиеся издания пекутся, словно блины, чуть ли не ежедневно. Но, увы, у большинства роды-то оказываются преждевременными. После шумных презентаций канут новички в безвестность. Виноваты тут и учредители, не рассчитавшие силенок: субсидировать не то что журнал иллюстрированный, а газетку малоформатную обходится нынче в многомиллионные суммы. «Виноват» и читатель: отказывается платить за издания, сделанные зачастую худосочным пером на скорую руку.

Но вот, будем надеяться, исключение — первый номер журнала «Земля и небо». Учредитель, прямо скажем, завидный — авиастроительный концерн «Авиатика», объединивший российскую элиту ученых, конструкторов, промышленников. В команде главного редактора Валерия Поволяева, писателя и бывшего многолетнего сотрудника «Литературки», такие имена, как Сергей Михалков, Михаил Задорнов, Елена Ржевская, Константин Ваншенкин, Борис Брайнин, Вячеслав Марченко, Юрий Сенкевич... И это лишь неполный перечень тех, кто готовил первый номер...

Перелистаем его. «Все мы кипим в одном котле. Переплавка — процесс мучительный. Тем более, когда переплавлять приходится собственное сознание»... Эта фраза из одного материала, как камертон, дает настрой тематике всего номера. Вот сенсационное откровение профессора С. Рыбникова о взаимосвязи запуска на Байконуре комплекса «Буран» и последовавшего затем ужасного спитакского землетрясения в Армении. Публикуются впервые рассекреченные документы МВД о последних днях Гитлера. Когда-то они были подготовлены специально для Сталина. Здесь же — очерк о судьбах, порой драматичных, русских детишек, усыновленных и удочеренных иностранцами.

Но «Авиатика» не ограничилась изданием лишь журнала «Земля и небо». Она «раскололась» и на литературное приложение — «Русский путешественник». Он будет выходить одновременно с журналом. Содержание — современная и дореволюционная проза с увлекательными сюжетами, детективы, приключенческие повести и рассказы. Первый номер вышедшего приложения открывает не публиковавшийся в советское время авантюрно-исторический роман Г. Самарова «При дворе императрицы Елизаветы Петровны». Этот прозаик до 1917 года был одним из самых популярных в России.

Любопытно, что подоплекой возникновения этих изданий была сначала скромная идея учредителей предложить читателям этакий вариант легкого «чтива для пассажиров». За книжкой скоротал в поезде ли, в самолете дорогу, закрыл ее и забыл... Эту задачу авторский коллектив «Земли и неба» понял по-своему: мы и по жизни — вечные странники. Поэтому-то, будем надеяться, не забудется прочитанное в новых «дорожных» журналах.

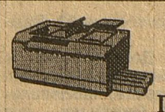
Тираж, конечно, маловат: всего-то по 10 тысяч экземпляров. А ведь нас, странников, — вся Россия.

О. СЕРГЕЕВ

Всё о самых ученых

«Научная элита: кто есть кто в Российской академии наук» — такая книга выпущена у нас впервые. Подготовило ее журналистское агентство «Гласность». Справочное издание содержит сведения обо всех ведущих ученых страны — их научной карьере, трудах, даже увлечениях и семейном положении. Указаны служебные адреса, телефоны, телефаксы. В тексте статей учтены все важнейшие изменения, которые произошли до 1 июля 1992 года. Так что если в справочнике сказано, что, например, известный экономист академик Л. И. Абалкин имеет двоих детей и увлекается шахматами, а его коллега академик А. Г. Аганбегян, также отец двоих детей, любит сауну, — так оно и есть.

Радует в наше нестабильное время и география справочника: в нем сведения об ученых, работающих во всех отделениях и центрах РАН — от Москвы и С.-Петербурга до Дальнего Востока и Северного Кавказа, представлены в нем и ученые Грузии, Армении, Литвы и т. д.



Фирма «КОННЕКТ»

Предоставление услуг на высоком уровне!

Сервисное обслуживание и ремонт офисной оргтехники:
– факс аппаратов;
– множительных аппаратов;
– персональных компьютеров.

Наши специалисты обеспечат надежную работу вашей аппаратуры.
Заключаем договоры на сервисное обслуживание офисной оргтехники.
Телефон: 956-70-15.